

I. Как Мелькарт научился превращаться в корабль.

Когда-то давным-давно наш народ жил далеко отсюда и не на острове, а на узкой прибрежной полоске земли. Чтобы сейчас попасть в эти места нам нужно пройти через Столпы Мелькарта, и потом еще много дней плыть по Средиземному морю до его крайних восточных берегов. Оттуда происходят самые отдаленные наши предки. Но в какой-то момент они заселили почти все берега Средиземного моря, почти все его острова, так что, в каком порту бы ни пристали, всюду могли слышать родную речь. Нашим предкам удалось выйти за Столпы Мелькарта, обогнуть кругом Африку, достигнуть Британии, выйти в океан и открыть остров, на котором живем теперь мы. Но вы спросите, как это все удалось сделать такому маленькому и незначительному на первый взгляд народу? Об этом и будет наш рассказ.

Наша страна далеко на востоке называлась Финикией. В те далекие времена мы не были особенно сильны на поле боя и поэтому с радостью отдавались под защиту иноземным правителям, то египетским, то хеттским. Мы привыкли, что чужаки нами правят, но не пытаются сами на нашей земле расселиться. Но однажды случилось такое, чего не бывало никогда раньше. С севера на нас надвигалось огромное полчище. Под его ударом пало наводившее страх на недобрых соседей царство хеттов. То было не просто войско. Вслед за вооруженными мужчинами шли женщины, дети, повозки с домашней утварью, и пришельцам этим не было числа. Казалось, что огромные, многолюдные страны снялись с насиженных мест.

После того, как были взяты наши северные города, мы решили не продолжать сопротивление, а дать этим людям пройти через Финикию. Шли они на Египет. Египтяне были тогда очень сильны и разбили их в битве, но уничтожить такую людскую массу они не сумели. Тогда эти пришельцы поселились в южной части нашей страны, которую мы, в свою очередь, вынуждены были покинуть. Наша и без того узкая полоска земли стала еще уже. Нам стало не хватать ни хлеба, ни места, где жить. Тогда наши предки обратились к богам.

Были в те времена на нашей земле три больших города: Библ, Сидон и Тир. И вот, в этих городах люди пришли в храмы и молились своим любимым богам – библиоте – Астарте, сидоняне – Баалу, тирийцы – Мелькарту – все одной слезной молитвой:

«О великие боги! Вы хранили нашу страну и наш народ много сотен лет. Царства с севера и юга захватывали нас, но благодаря вам мы и под иноземной властью оставались самими собой. Теперь же на нашу долю выпало непомерное испытание: многочисленные пришельцы невесть откуда заняли нашу землю, и нам самим теперь негде жить, так что у нас и брат уже готов поднять руку на брата, и сын на отца, и отец на сына за жилище и кусок хлеба. Боги, не допустите беды! Мы хотим жить и служить вам. Взгляните на наше положение и укажите нам выход.»

Наши боги по-настоящему пеклись о благе людей, а потому собрались в своей небесной стране Эанне на совет. Много богов собралось, но говорили в основном трое могущественнейших, восседавших на возвышении на трех тронах: древняя, но вечно молодая видом крылатая богиня Астарта, - она была одета в вышитое золотом платье и занимала самый пышный трон, - старый бог Баал в высоком медном шлеме и с молнией в руке и одетый как простой смертный, совсем молодой, но очень сильный безбородый юнец Мелькарт. Он сидел на самом бедно убранном троне, да к тому же еще и совсем неподобающим образом развалившись.

Баала боги считали тогда среди себя царем, потому он и открыл совет такими словами:

– Друзья, вы все слышали о том, какое бедствие постигло наши земные владения. Люди терпят страшные лишения, они перебьют друг друга из-за недостатка земли и пищи. Астарта, ты, как самая древняя из нас, скажи, видишь ли ты возможность положить конец людским несчастьям?

– Я думаю, – сказала богиня, – это проще простого. На крыльях я смогу быстро покинуть пределы Эанны. Тогда на земле Финикии не станет любви, люди перестанут заключать браки и рожать детей, и очень быстро пищи и земли будет для всех снова в достатке. Тогда я и возвращусь назад.

– Что ж, по-моему, прекрасная мысль, – ответил Баал. – А что думаешь ты, Мелькарт?

– Я думаю, что это ужасная и опасная мысль, Баал, – сказал юный бог. – Ведь если люди и без того озлоблены, а мы отнимем у них еще и любовь, они скорее перебьют друг друга. Представьте только на мгновение: супруги, братья, сестры больше не хотят друг друга знать. Родители больше не знают, почему они должны заботиться о маленьких детях, а дети – о престарелых родителях.

Древней Астарте оставалось только с досады хмыкнуть в ответ. Мелькарт был прав, и сонм богов дивился его мудрости.

– Ну хорошо, – продолжил Баал. – Тогда я позволю себе высказать предложение. Я все-таки ваш царь как-никак. Я думаю, нам следует завести дружбу с богами пришельцев и двинуть наши народы в совместный поход на Египет. Египетская земля необычайно плодородна. Если нам удастся отвоевать хоть небольшой ее кусочек, мы прокормим и себя, и пришельцев.

Среди богов послышались одобрительные голоса. Многие из них в воинственном раже тут же подняли над головой имевшееся у них при себе оружие.

– Пожалуй, твое предложение будет лучше моего, – сказала Астарта.

– Друзья, одумайтесь! – снова вынужден был образумить старших собратьев Мелькарт. – Разве боги Египта нам враги? Ведь если мы пошлем наш народ войной на Египет, мы неминуемо навлечем на себя вражду богов этой страны, а этого нельзя допустить.

– Согласен с тобой и на этот раз, – признал правоту юнца Баал.

– А я предлагаю, – выкрикнул из толпы богов младший брат Астарты Дагон, изобретатель плуга, – вырубить леса, что растут в горах, а на освободившейся земле сделать пашни и построить селения.

– Ты прости меня, Дагон, – виновато сказал Мелькарт, – и ты, Баал, что говорю вперед тебя, но ведь это уже совсем никуда не годится. Почва в горах тяжела для работы, распахать ее под ячмень и пшеницу будет непросто. Да и что строить дома, что класть мостовые в горах дорогого стоит. Но даже если бы все это было легче легкого, то нужно подумать о лесе. Лес – это богатство Финикии. Египтяне покупают его у нашего народа в огромных количествах. Уничтожив лес, мы не только лишим наших людей дохода, но еще и вынудим их покупать этот необходимейший товар у других народов.

– Хорошо, Мелькарт, – ответил Баал юноше, – мы все убедились в твоей мудрости и в том, что возражать ты умеешь по существу и с пониманием дела: и меня, и Астарту, и Дагона ты разбил в пух и прах. Но, быть может, ты сам предложишь ответ на волнующий нас всех вопрос: как нашему народу справиться с бедой?

– Конечно, Баал. С моей стороны было бы очень несерьезно только критиковать вас, не высказывая собственного суждения. А я бы стал думать вот в каком направлении. Народ наш живет на берегу моря, а что мы знаем об этом море? Как далеко оно простирается? Что за люди живут по его берегам? И нет ли где свободного места? Нельзя ли было бы договориться с богами тех народов, чтобы основать в их землях наши города. И уж если нам удастся таким образом расселить наш народ вдаль от Финикии, то он сможет привозить на родину из заморских стран диковинные товары, а заморские страны снабжать тем, что у него самого в избытке.

– Это ты хорошо придумал, Мелькарт. Я признаю, что такой выход был бы наилучшим. Да только как это сделать? Как люди преодолеют море?

– Я прошу у вас, друзья, несколько дней на раздумья. Обещаю, что уже очень скоро люди отправятся в первое дальнее плавание.

Боги разошлись по своим делам, не переставая удивляться мудрости и уверенности Мелькарта. Мелькарт, тем временем, направился к морю. Дорогой он думал: «Если я всерьез напрягусь, то, несомненно, соображу, как людям построить корабли, способные преодолеть большие пространства. Я это все нарисую, наилучшим образом объясню им и, немного потрудившись, люди выйдут в море. Но будет гораздо лучше, если я сам явлюсь людям способным двигаться по воде. Тогда они скорее поверят мне и с большим воодушевлением примутся за дело. Я смогу разведать неизвестные земли, указать им путь и сопровождать их везде, куда бы они не поплыли.»

Прийдя на морской берег, Мелькарт скинул с себя одежду простолюдина и зашел в море. Первым делом он лег на воде на спину и сообразил, что так ему проще всего держаться на плаву – достаточно было только слегка грести руками и ногами. Однако, лежа на спине, Мелькарт не видел пути и заключил, что далеко так не уплыть. Тогда он перевернулся на живот и слегка приподнял голову над водой. Теперь море было у него перед глазами. Но тут ему показалось, что грести ногами не очень удобно, и вместо ног у него вырос большой рыбий плавник – как богу, ему не составляло труда изменять тело по собственному желанию. С этим хвостовым плавником он плавал уверенно и мог обогнать любого жителя морских вод.

Как раз в этот момент на своих крыльях над морем пролетала Астарта.

– Что делаешь, Мелькарт? – спросила она. – Что за странный у тебя вид?

– Я учусь плавать, – ответил юный бог.

– Но ведь плавать нужно не тебе, а людям!

– Если поплыву я, то смогу научить и их.

– Что ж, удачи тебе Мелькарт!

Когда древняя богиня сообщила остальным богам, чем занят Мелькарт, они собрались большой толпой на берегу подивиться на такое чудо. Ничего подобного ни одному из наших небожителей до тех пор ведь и в голову не могло прийти. Наконец, Мелькарт решил, что на этот день он сделал достаточно. Он принял свой обычный вид, вышел из воды, обтерся и оделся.

– Как успехи? – спросил юнца царь богов Баал.

– Я уверенно плаваю сам. Теперь можно подумать и о людях, – ответил тот.

На следующий день Мелькарт с рассветом вышел на берег и пустился в плавание. Он заплыл очень далеко и обнаружил, что еще полон сил. «Что ж, – подумал юный бог, – теперь наверное я могу явиться людям.» Но тут ему встретился бог моря, видом вроде огромного дельфина.

– Послушай Мелькарт, – сказало странное существо (наши боги ведь до тех пор не никогда не встречались с морскими богами), – мы слышали о вашей беде. Подумай вот о чем: ты плаваешь сейчас так, что твое тело почти полностью погружено в воду. Это не сильно поможет людям. Так плавать они умеют сами давно, но этого мало, чтобы достичь тех берегов, которые ты имеешь в виду. И уж тем более так невозможно перевозить грузы.

Сказав это, морской бог исчез, а Мелькарт призадумался: «А ведь этот говорящий дельфин прав!» Тогда юнец сделал вот что: он наполнил свое тело воздухом, раздув его в подобие овального котелка, накрытого крышкой. Его руки выходили через бока. Хвост ему пришлось поднять над водой. «Вот теперь, – подумал Мелькарт, – на мне человек мог бы путешествовать в безопасности... Но что же, в одиночку? А ведь это может быть опасно – мало ли что с человеком может в море случиться. Нет, одного человека оставлять нельзя.» Лишь только у Мелькарта промелькнула эта мысль, как по бокам у него выросла еще одна пара рук. Юный бог попробовал грести четырьмя руками. Так можно было плыть намного быстрее. Тогда мысленным усилием он сделал себе еще одну пару рук, за ней еще одну и остановился на двадцати. «На таком судне люди точно не пропадут в море,» – решил Мелькарт и довольный направился к родному берегу.

А там его уже ждали столпившиеся боги. Крылатая Астарта поднялась в небо и, издали завидев приближающегося в необычном облике юного бога, закричала:

– Наш Мелькарт совсем с ума сошел! Он решил сделаться сороконожкой!

– Мелькарт, ты уверен, что тебе не нужна моя помощь? – кричал ему с берега бог-врачеватель Эшмун.

Но Мелькарт не обращал внимания на насмешки. Он знал, что должен помочь своему народу, и был ради этого готов выслушивать все, что угодно, лишь бы ему не мешали. Когда он принял свой привычный вид, обтерся и оделся, Баал обеспокоенно (он в самом деле боялся, что один из могущественнейших богов тронулся умом) спросил его:

– Как успехи, Мелькарт?

А тот бодро ответил:

– Я нашел способ подружить людей с морем.

– Да, но ведь еще вчера ты был готов явиться людям!

– Это правда, но, плавая в далеких водах, я встретил морского бога, и, поговорив с ним, понял, что не готов. Мне надо было придумать, как надежно обезопасить людей от воды и как сделать так, чтобы они могли путешествовать большой командой, а не в одиночку.

– Ах вот для чего тебе такое странное дутое тело и столько пар рук! Теперь я понимаю, что ты не зря превратился в этого странного зверя.

– Да! Завтра в таком виде я смогу показаться под стенами своего города Тира!

Наутро Мелькарт снова вышел в море и уплыл далеко, чтобы все окончательно проверить. Он прекрасно управлялся со своим новым телом и мог развивать на воде невиданную до того скорость, но тут в небе над ним появился бог ветра в виде огромной чайки.

– Мелькарт, – сказала ему странное существо (ведь и боги ветров до этих пор были незнакомы нашим богам), – я знаю о вашей беде. Корабль, который ты придумал для людей хорош, но подумай о том, как тяжело им будет грести. Если ты вытянешь вверх что-то большое, но легкое, я смогу тебе помочь.

Сказав это, бог ветра исчез, а Мелькарт призадумался: «Ведь в самом деле, грести людям предстоит не один десяток тысяч стадий. Ветер будет им хорошим помощником. Хм, но за что мог бы я дать ветру уцепиться?»

И лишь только эта мысль промелькнула в голове Мелькарта, из его хребта выросла рука с широкой, но легкой перепончатой кистью. Перепонка тот час же наполнилась ветром и юный бог сразу же почувствовал, насколько легче стало ему идти. Перепонки при ненужности складывались, рука опускалась и без следа сливалась с телом. Поплавав еще немного с этой рукой, он вернулся к родным берегам, где собратья снова принялись осмеивать его, но мудрый Мелькарт снова не обращал на них никакого внимания, принял свой привычный вид, обтерся и оделся.

– Как успехи сегодня? – спросил у него со снисходительной улыбкой Баал. Он не верил, что этот странный отросток на спине может как-то помочь в мореплавании.

– Я нашел способ подружить людей с ветром.

– Но людям нужно идти по воде, а не лететь по небу!

– Я думал точно так же, как и ты, Баал, пока далеко в море не встретил бога ветра. Он сказал, что если я подам ему руку, он сможет помочь мне плыть. И действительно, когда я силой мысли вырастил у себя на спине эту большую перепонку, она наполнилась ветром, и я смог идти намного быстрее, чем на всех моих сорока руках.

– Что ж, Мелькарт, я вижу, что ты и этот день провел не зря. Но у нас мало времени. Дела людей требуют немедленного разрешения. Готов ли ты завтра предстать перед людьми?

– Теперь с уверенностью говорю: да, я готов! Завтра к вечеру я появлюсь под стенами своего города Тира.

Наутро, как и во все прошедшие дни, Мелькарт вышел в море и прошел во все самые отдаленные его уголки. Далеко на западе он встретил заходящее Солнце и, поскольку день подходил к концу, а ему надо было успеть предстать перед людьми, юный бог упрямил Солнце задержаться на небе. Люди в Тире, увидев необычно долго зависшее над горизонтом солнце удивились и, поняв, что происходит что-то необычное, все поднялись на стену, заняли башни и любые площадки, откуда только можно было смотреть на запад. Тогда на фоне заходящего солнца показался в своем корабельном облике Мелькарт.

Он взмахивал одновременно всеми своими многочисленными руками словно крыльями и приближался к своему земному городу. Жители узнавали его в лицо, но не понимали, что случилось с его телом.

– Смотрите на меня, люди! – говорил тирийцам их любимый бог. – Я, Мелькарт, принес вам избавление от ваших бед. Вы должны построить корабли, похожие на меня. Множество весел, – Мелькарт взмахнул руками по очереди от хвоста до головы, – сплошная крытая палуба, – Мелькарт несколько раз напрягся, надув свою спину, – и, наконец, крепкий парус, – Мелькарт качнул последней, странно выросшей у него из хребта рукой, – это все, что вам нужно, чтобы преодолеть это море, кажущееся бескрайним. За морем есть много земель,

готовых принять вас, есть много народов, с которыми вы можете подружиться. Лес для строительства растет на ваших горных склонах, рабочих рук у вас хоть отбавляй. Так что завтра по утрам принимайтесь за дело. И знайте, куда бы вы ни поплыли, я всюду буду сопровождать вас и помогать в любых трудностях.

Народ Тира поблагодарил Мелькарта, и тот удалился в Эанну, дав Солнцу, наконец, зайти. С рассветом же тирийцы, которые всегда слушали своего бога, начали стройку. Они развернули большие верфи, соорудили гавань с причалами и эллингами, и уже очень скоро потянулись на первых кораблях на запад. Постепенно Мелькарт открыл им все тайны мореходства и все земли, которые обнаружил сам, включая и наш остров.

Так наши предки расселились по всему Средиземному морю и даже за его пределами. И только на нашем острове Мелькарт просил их не селиться, а хранить его нетронутым на самый крайний случай.

А Финикия, меж тем, перестала страдать от избытка людей. Баал признал превосходство более молодого собрата и уступил ему царский трон. Но Мелькарт вовсе не был жадным и самодовольным богом. Своим умением он с радостью помогал другим и учил мореплаванию любого желающего, причем не только из богов Финикии. Многие другие народы обязаны силой своих гребцов и мастерством своих кормчих именно ему, Мелькарту, а все потому, что прежде, чем изменить что-то в своем народе, он изменил сначала самого себя.

Так всегда бывает: если изменишь что-то в самом себе, то и мир вокруг изменится. Это должен хоть раз пережить и почувствовать каждый. Тогда и в мелькарты* будут избираться люди, способные сделать нашу жизнь на острове лучше, краше, веселее и чище. Только такие люди подобны зеркалам: в них преломляется и через них становится видимым нам нетленный свет нашей Звезды Морей.

*На острове Мелькарта мелькартами называли главных священников хранительницы острова — Звезды Морей.

II. Как корабли обрели человеческий облик.

Был в Средиземном море помимо нас и другой мореходный народ, эллины. Они многому научились у наших предков, Мелькарт много помогал их богам. Эллины первыми придумали давать кораблям имена.

Было это тогда, когда они решили пройти через Симплегады, страшные движущиеся скалы, способные раздавить любой корабль. Симплегады перекрывали эллинам доступ в Гостеприимное (или, как говорили они, *Евксинское*) море. Но море это отнюдь не сразу стало гостеприимным. До какого-то времени эллины называли его не иначе, как «*Аксинским*» или «Негостеприимным». Дело в том, что кроме Симплегад проход в это море затрудняли сильные встречные течения и ветры в узких проливах и жившие по берегам этих проливов враждебные племена. Чтобы преодолеть все эти трудности, эллины, приложив какое только могли усердие и заручившись помощью своих богов, построили самый лучший по тем временам корабль. Этому кораблю они дали имя Арго по имени известного мастера Арга, руководившего строительством. Пройдя через множество испытаний, аргонавты (эллины, отправившиеся в путь на Арго) преодолели Симплегады, достигли берегов Колхиды и вернулись обратно в Элладу...

Вы наверное уже слышали о том, что душа человека не исчезает со смертью. Точно так же и души кораблей продолжают жить, когда доски сгнили, и от оснастки тоже не осталось и следа. Эта история произошла тогда, когда Арго уже много сотен лет обитал в небесной стране Эллады, в Олимпе и перевозил и богов, и тех, кто когда-то был людьми, по тамошним морям. Вроде бы все хорошо было у Арго: в морях не было ни штормов, ни пиратов, ничто не мешало ему с радостью выполнять любимую работу. И тем не менее, он был не весел.

Боги Эллады, Аполлон и Афина, обратили на это внимание.

– Что с тобою, Арго? – спросила у корабля Афина. Вместе с Аполлоном она подъехала вечером к берегу моря. Арго выбирал все время этот, самый дальний от небесного города причал. Сюда он уходил отдыхать на ночь, закончив все дневные дела. Он стоял совсем один, в то время, как порт до темна не утихал от шумных разговоров других кораблей.

– Наконец-то, хоть кто-то заинтересовался мной, – сказал Арго с обидой. – Я так одинок.

Арго прямо-таки всхлипнул. Это было совсем на него не похоже.

– Но расскажи же нам, в чем твоя беда. Я знаю тебя с самого рождения, и не припомню, чтобы ты так горевал.

Афина в самом деле в тайне от людей участвовала в его постройке.

– Вот я хожу здесь по этим морям, где нет ни штормов, ни пиратов, где море питает силой, а не отнимает ее, а мой отец, мастер Арг томится в плену у царя Аида на Белом острове. Мне сказали об этом друзья аргонавты.

Если вы не знаете, что такое Аид, то да будет вам известно, что для каждого народа созданы не только небесные страны, но и страны подземные, где темные боги держат людей узниками. Таким узником подземного бога эллинов оказался и мастер Арг. Он был искуснейшим кораблестроителем, и царь Аида боялся, что, оказавшись на Олимпе, Арг построит светлым богам такой флот, с которым он не сможет справиться. Потому он отправил мастера на далекий остров, где заставлял его весь день напролет, без сна и отдыха строить и строить для себя корабли.

Афина с Аполлоном переглянулись: о беде, в которую попал знаменитый некогда мастер им было хорошо известно, но уж очень далеко упрятал его царь Аида.

– Что ж, Арго, – спросил, угадывая его мысли, Аполлон, – уж не хочешь ли ты отправиться на помощь своему отцу?

– Да! Конечно, хочу! – выпалил остававшийся совсем еще юным корабль.

– Ну хорошо, – говорила Афина, – допустим, до Белого острова он доберется. А дальше-то что? Он ведь не сможет даже выйти на берег.

– Хм, – почесал Аполлон свой белокурый затылок, – нужно спросить у Тессераконтора. Он знаток всех морских и корабельных дел. Он поможет.

А *Тессераконтором* или Сорокавесельником эллинские боги уважительно называли

Мелькарта... Так решили Афина, Аполлон и Арго направиться на восток в его пределы: Афина свистнула в два пальца, и тут же примчалась ее белая колесница. Аполлон же взошел на палубу Арго и взялся за рули.

На подходе к берегам Эанны их нагнал Мелькарт в своем корабельном облике. На борту с ним вместе был Геракл, известный герой Эллады. Когда-то он возглавлял поход аргонавтов, а теперь состоял у Сорокавесельника в обучении.

– Здравствуй, о Тессераконтор! – поприветствовали Аполлон и Афина финикийского бога. – Откуда путь держишь?

– Здравствуйте-здоровствуйте, друзья, – ответил им Мелькарт. Он сложил мачту с парусом и поднял над водой все свои сорок рук. – Были мы с Гераклом в моих западных владениях, заходили на остров Шардана к Иолаю.

Иолай в небесной стране, как и на земле, оставался большим другом Геракла.

– Привет вам, о мои родные боги! – сказал герой. – А что это за корабль, Аполлон, за кормилом которого ты стоишь? Уж очень он напоминает мне Арго!

– А это я и есть! – раздался радостный тоненький голос ис-под палубы.

Геракл несказанно обрадовался тому, что встретил старого друга, но в то же время и удивился – на земле голос Арго был совсем другим: он говорил с таким деревянным треском, что не знавшие его люди от неожиданности пугались.

Все вместе они направились к берегу Эанны. По дороге Аполлон объяснил Мелькарту, в какой беде оказался великий кораблестроитель, мастер Арг, и что Арго не находит себе места от того, что хочет, но никак не может его спасти. Сорокавесельник молчал и вдумчиво слушал. Оказавшись на суше, он принял свое обычное, некорабельное обличье. Ему не надо было больше обтираться и одеваться. Он был уже не простолудином, а сильным воином в блестящем доспехе и в шлеме с рогами в виде полумесяца. Афина с блестящим щитом в руке, Аполлон, держащий за спиной серебряный лук, и Геракл со своим любимым оружием, дубиной, обступили финикийского бога. Арго одиноко покачивался на волнах.

– Вот что я скажу тебе, – обратился к нему Мелькарт. – Когда-то я захотел помочь моему народу. Для этого мне надо было научиться превращаться в корабль, и я научился это делать. Тебе, чтобы спасти твоего отца, мастера Арга, нужно научиться обратному – из корабля становиться человеком. Сделай же вот что. Отправляйся в Аид, плыви через Кровавое море к Белому острову. Когда подойдешь к берегу, представь, как ты ступаешь на него и что будешь на нем делать в облике человека, и у тебя все получится.

– Не могу поверить, о великий Тессераконтор, что это так просто, – угрюмо сказал Арго.

– Я бы тоже счел это невероятным, если бы точно таким же образом однажды не сделался кораблем.

– Учитель! – обратился Геракл к Мелькарту. – А можно мне отправиться вместе с Арго? Мастер был ведь и мне большим другом.

– Что ж, – ответил тот, – если туда зовет тебя твое сердце, отправляйся.

«А вот этому я по-настоящему рад!» – подумал Арго. Для хорошего корабля ведь нет ничего приятнее, чем чувствовать верную и сильную руку, сжимающую кормило, даже если корабль давно сам, без кормчего находит дорогу.

Арго обрадовался вдвойне, когда вместе с Гераклом они прибыли на остров Шардана, и Иолай согласился пойти вместе с ними на Белый остров. Так втроем они спустились в Аид и направились к своей цели. У Белого острова их встретил целый флот, построенный подневольным мастером. Арго принял бой. Корабли были хороши с виду, но на деле недостаточно крепки. В Аиде доски гнивали очень быстро. Арго с легкостью ломал вражеские весла и пробивал ростром борта. Но на берегу оставалась еще стража. Геракл с Иолаем сначала били по ней из луков, а потом прыгнули вниз и обрушили на нее силу своих мечей. Арго, тем временем, поступил так, как советовал ему Мелькарт: он подошел насколько мог близко к земле и представил себе, как, стоя плечом к плечу с друзьями, сражается с ненавистными врагами. Но ничего не происходило...

Вот уже не осталось ни одного стражника, способного противостоять двум друзьям, и они вошли в эллинг и вывели, наконец, оттуда изможденного мастера.

Арго сначала немного огорчился, что битва на острове решилась без него: Мелькарт, как видно, ошибся. Но, увидев и узнав Арга, он от радости загорелся желанием броситься ему навстречу. Он закрыл глаза, и представил как бежит... Через мгновение он почувствовал плеск воды под ногами. Ветер, проникая через одежду, обдавал его вполне человеческое тело! Он расставил руки в стороны и закричал: «Отец!» Но вдруг его взяло сомнение – на мгновение он остановился и оглянулся. Под хмурым туманным небом багровое море накатывало на берег небольшие волны. Корабля сзади не было: он, корабль, стал человеком. Тогда он побежал снова. Арг, позабыв накопившуюся за века непрерывной работы усталость, спотыкаясь и увязая в песке, тоже ринулся в объятия к сыну.

Но надолго задерживаться на этом острове им было нельзя: царь Аида не дремал и вполне мог попытаться задержать непрошенных гостей вместе с узником. Арго во мгновение ока снова стал кораблем и поднял друзей вместе со спасенным мастером Арго к олимпийским жилищам богов. Как и на Белом острове, подойдя к берегу, Арго принял человеческий облик. С этих пор он всегда мог по желанию принимать его и так же по желанию становиться тем же самым кораблем с двумя рядами весел, каким построил его когда-то мастер. Больше Арго никогда не грустил. Несмотря на возраст в несколько сотен лет, он был высоким светловолосым мальчиком в белой хламиде с вышитым на груди золотым солнцем. Впрочем, говорят, на Олимпе и Геракл, и Иолай, и Арг, вообще все, кто были людьми, выглядели намного моложе, чем мы могли бы себе их представить.

Еще говорят, что в небе над нашим Священным плато есть место, куда Мелькарт удалялся, когда хотел побыть в одиночестве. Говорят даже, что это место указал ему какой-то еще более древний бог. Услышав от Аполлона с Афиной историю о том, как Арго обрел человеческий облик, Сорокавесельник, не говоря ни слова, перевоплотился в корабль и отвез их туда. Для них там были приготовлены три ложа и три чаши со сладким нектаром. Оружие и доспехи боги сложили в сторону с глаз долой и возлегли.

– Знаете, о чем я подумал, друзья? – сказал Мелькарт, поднимая свою чашу. – Когда-то я научил людей строить корабли, и корабли здорово помогли людям. Мне кажется, то, что произошло с Арго очень правильно! Корабли служат людям и проникаются к ним искренней любовью. Любовь эта настолько сильна, что над ней не властен даже царь Аида. И если уж это невозможно там, внизу, под нами, то в небесных странах корабли заслуживают жизни среди людей. Я решил, что буду отныне посвящать часть своих сил тому, чтобы судьбы людей и кораблей сближались. Что вы об этом думаете?

– Мы можем сказать только то, что в очередной раз убедились в твоей мудрости. И хотели бы просить тебя обратить твою заботу и на эллинские корабли, – ответил Аполлон.

– Друзья, вы ведь знаете, хоть я и научил именно свой народ прежде других строить корабли, я никогда не таил это ремесло от других народов. Корабль, построенный, что в финикийском Тире, что на эллинской Эвбее – для меня все одно. Не будет для них различия и в небесных странах.

– Да будет так, о великий Тессераконтор! – сказал, поднимая чашу Аполлон.

– Да будет так! – вторила ему, поднимая чашу Афина.

III. Как был открыт Остров Мелькарта.

Есть в Испании по нашу сторону от Столпов Мелькарта очень и очень древний город Кадис. Наши предки основали его одним из первых после того, как прибыли в этот далекий для них западный край. Назвали они его Гадирами. И вот, однажды жил в этом городе простой рыбак по имени... нет, имя его не сохранилось до наших дней. Слишком давно это было. Да и сам рыбак, по-видимому, не желал, чтобы его имя произносили потомки. «То, что сделал я, – говорил он, – мог бы сделать каждый.»

Древняя легенда называет его Искателем. Жил он, правда, в такое время, когда людям, окружавшим его, казалось, что искать-то уже и нечего. Дальние плавания от Тира до Гадир стали тогда обычным делом, путь на север к Британии был тоже давно проложен. Все эти плавания были описаны в книгах, с которыми каждый мог ознакомиться и при желании повторить. Никакого более значительного путешествия никто себе и представить не мог, и только этот самый Искатель не успокаивался.

Хоть он и не без удовольствия выполнял свою каждодневную работу, по-настоящему его радовала только буря. В бурю он никого не подпускал к кормилу своего конька*, и совсем не потому, что боялся за него – друзья его были такими же, как и он опытными кормчими. Он любил бурю, в бурю он радовался сам не знал, чему. Ему просто нравилось, как дождь, направляемый пронизывающим ветром, через одежду хлещет его по спине. Друзья уговаривали его пойти на службу в военный флот, – там плавание, мол, всегда сопряжено с приключением и опасностью, – но Искатель понимал, что топить вражеские корабли – занятие не по нему.

Однажды, как всегда поутру, он вышел из порта Гадир и направился на юг, в направлении Африки. Те места были славилась среди гадитанских рыбаков косяками жирного тунца. Обеспечив себе улов, Искатель с товарищами отправился обратно, надеясь вечером пристать к берегу где-нибудь в Испании. Но по пути... по пути разразилась страшная буря. Искатель сначала обрадовался, и, как всегда, в приподнятом настроении стал за кормило. Ему доставило удовольствие и то, что буря не утихла ночью. Когда же море не унялось к рассвету, он едва не падал с ног и нехотя уступил кормило товарищу. Буря продолжалась вторые сутки, и рыбаки выбросили за борт весь улов, поскольку рыба просто-напросто протухла. На третьи сутки у них стала заканчиваться питьевая вода. На четвертые им не оставалось ничего, как молить Мелькарта о помощи.

К вечеру пятого дня небо, наконец, расчистилось. Сначала рыбаки увидели звезду, которую древние звали звездой морей. В любую ночь и зимой, и летом и весной, и осенью она указывает направление на север. Оттого ее свет очень ценят моряки. Они находят по ней морские пути.

В точности на эту звезду указывал нос гадитанского конька. Чуть позже у него за кормой из-за туч вышла луна и осветила берег, который серпом уходил далеко влево. Втащив на песок свое суденышко, товарищи отправились на поиски воды. Далеко идти им не пришлось – как оказалось, пристали они вблизи устья реки. Вдоволь напившись, они уснули, а проснувшись наутро стали гадать, куда же вынесла их морская стихия.

Тогда люди считали Испанию и западный берег Африки краем суши. Те, кто живут за морем, продолжают и по сей день так же считать. Этого же заблуждения придерживался и Искатель с товарищами. Потому и решили они, что, гонимый ветром, их кораблик прошел через Столпы Мелькарта. Наперебой они предлагали идти вдоль берега то вправо, то влево, искать то Малагу, то Барселону и даже Марсель! Они никак не могли взять в толк, что находятся на удаленном от остальной суши острове.

Появление вдалеке приближающегося к ним корабля еще больше утвердило их в мысли о том, что они находятся вблизи обитаемых мест. Подойдя к берегу, тот корабль, на котором было ровно сорок весел, исчез, а вместо него на берегу появился мощный воин в блестящем доспехе и в шлеме с рогами в виде ущербной луны. Гадитане тут же вспомнили древнюю тирийскую легенду о Мелькарте-Сорокавесельнике. Их объял священный ужас.

– Что ж, Искатель, – торжественно обратился тирийский бог к гадитанину, – ты ведь об этом мечтал?

– О чем? – спросил тот тихо, с опаской в голосе. – Чтобы пять дней без передышки быть гонимому бурей?

– Так значит вы так еще ничего и не поняли! Ладно, пойдемте за мной, – позвал рыбаков Мелькарт.

Он вывел друзей на берег, где снова превратился в корабль и взял их на борт. Много дней плыли они вдоль равнины. Горы виднелись только вдалеке. С них, по-видимому, стекали многочисленные ручьи, изливавшиеся в море несколькими широкими, вполне судоходными по виду потоками. Наконец, друзья увидели, что серповидный берег завершается острым мысом. Мелькарт обогнул мыс и пошел теперь вдоль скал, тоже изогнувшихся серпом, только в обратную сторону. Некоторые скалы были настолько отвесными, что, казалось, уходили в небо. Вдоль этих гор сорок весел тоже несли гадитан несколько дней, по истечении которых Мелькарт обогнул мыс и двинулся к югу. В этом направлении горы медленно спадали, и в конце концов Искатель с товарищами сошли на берег около своего конька. Друзья поняли, наконец, что находятся на острове.

Дальше Мелькарт чудесным образом перенес их на высокое горное плато, где было заметно холоднее, чем внизу, и где высились развалины каких-то рукотворных каменных сооружений. Оттуда по лесам он повел друзей вниз. Здесь они тоже провели несколько дней в пути и не испытывали недостатка ни в воде, ни в пище. И корабельные сосны, и шедшие на весла пихты, и укреплявшие кили дубы – самые ценные деревья встречались на здешних склонах. По дороге Мелькарт показал Искателю и его товарищам горные богатства: металлоносные руды, мрамор, всевозможные самоцветы. Когда они спустились на равнину, то увидели, что почва там была мягкой, но полновесной, тяжелой. На ней не составило бы труда вырастить замечательный хлеб. Словом, все необходимое для счастливой жизни было на этом острове.

– Я даю вам во владение знание об этом острове, но не сам остров, – так наставлял гадитан Мелькарт. – Доверяйте это знание лишь избранным и берегите его от недобрых людей. Этот остров – ваше убежище. Если вашему народу будет угрожать опасность, я смогу приютить вас здесь. Если же вы расскажете об острове всем людям, они начнут охоту за его богатствами, и он уже не будет вашим тайным укрытием. Ваши враги и тут сумеют настичь вас.

– Но можем ли мы, посвященные, сами посещать его? – спросил Искатель.

– Вы можете. С условием, что не будете вывозить отсюда ничего для торговли.

– Что же нам делать, Мелькарт, если кто-то начнет по пути на остров за нами следить?

Тирийский бог вынул из ножен меч и быстро нарисовал на песке Испанию и этот, вновь открытый гадитанами остров.

– Посмотрите сюда, – сказал он рыбакам. – Вот этот мыс зовется у вас Священным. Прежде всего вам следует добраться туда. Это ни у кого никаких подозрений не вызовет. Ровно против Священного мыса примерно в двух тысячах стадий лежит восточная оконечность острова. Вы проходите этот путь примерно наполовину и разворачиваетесь вроде как назад, но берете южнее к берегам Маврусия. Пройдя около тысячи стадий на восток и на юг, вы снова поворачиваете на запад и тогда приходите ровно вот к этому месту. Если бы я был человеком, я поклялся бы вратами небесного Вавилона в том, что преследователи примут вас за сумасшедших и самоубийц еще до первого поворота и, испугавшись, повернут назад.

Сказав это, Мелькарт распрощался с гадитанскими рыбаками. Пока они смотрели за тем, как Сорокавесельник уходил вдаль и поднимался в небеса, волны смыли нарисованную им на песке карту. Гадитане расстроились: без нее ведь им было не приплыть сюда вновь. В обратный путь они решили идти просто на восток, не отклоняясь. Они совершенно справедливо надеялись на то, что ближе или дальше от родного города они встретят-таки землю.

На обратном пути, стоя за кормилом, Искатель стал поневоле вспоминать, на что же был похож путь, начерченный на песке Мелькартом. «Верно, он был похож на какую-то букву, – подумал про себя гадитанец, и тут же сообразил: – Ну конечно же, буква «нун» – извивающийся угорь! Не так ли извилиста и дорога, которой идем мы по жизни?» По

прибытии Искателю не составило труда воспроизвести рисунок Мелькарта на глиняной табличке. Его товарищи согласились в том, что ровно то же самое они увидели на острове начерченным тирийским богом на прибрежном песке.

Вы конечно же знаете о том, что у нас на острове есть многочисленные марзахи**. Например, есть иудейский марзах, люди в котором исповедуют древнюю веру народа, жившего некогда по соседству с нашими предками, финикийцами. Есть марзах Аполлона, где продолжают возносить молитвы солнечному богу эллинов и его многочисленным друзьям и братьям. Почитают на нашем острове бога Митру, пришедшего в римский мир (а затем и к нам) из далекой Персии. Эти люди тоже владеют у нас немаленьким марзахом, точно так же, как и христиане. У тех есть даже целых два объединения. В мире со всеми, а не во вражде, как за морем, живет у нас и магометанский марзах, чтущий единого Бога под именем Аллаха.

Посвященные разным богам марзахи были и в старых финикийских городах. Так же и гадитанский Искатель с товарищами, возвратившись с открытого ими в океане острова, решили основать собственный марзах, который посвятили Царю Нун – так называли они Мелькарта, приведшего их с бурей на остров. Но о том, что Царь Нун – на самом деле Мелькарт, знали лишь посвященные. Марзах Царя Нун покровительствовал всем людям, связанным с морем, от простых гребцов до мастеров-кораблестроителей. Жертвы, принесенные во внутреннем дворе храма, который начали строить еще Искатель с товарищами между городом и знаменитым на весь тогдашний мир святилищем Мелькарта, считались среди мореплавателей очень действенными. Самые разные правители обходили незнакомый им храм стороной, чему рабы*** были очень рады.

Сначала марзах состоял из спутников Искателя и их семей. Пополнялся он при первых рабах тоже в основном по родственной линии ну и немного за счет удачных случайных знакомств. Значительно позже рабы стали посвящать в тайну Острова частых жертвователей. К ним тоже присматривались и, разумеется, не сразу рассказывали им все.

В качестве первой ступени посвящения мистам предлагалось следующее испытание. Их приглашали во внутренний двор храма. Туда выносили стеклянную колбу с узким горлышком, в которой хранился песок, привезенный с Острова. Но испытываемому ничего не сообщали о том, что это за песок. Ему насыпали из колбы пригоршню и при этом раб спрашивал у него следующее:

– Это ценнейший материал. Ни одна его крупинка не должна пропасть. Что это такое?

Многие мисты отвечали сходу, что это песок. Тогда следовал вопрос:

– Как ты можешь утверждать что-то, не исследовав?

В ответ на это испытываемые делали самое разное: кто сжимал горсть ладонью, кто брал щепотку другой рукой, некоторые даже пробовали его на вкус, но ответ был неизменным:

– Нет, раб, это песок.

– Даже если это песок, он очень ценен для всех нас, – говорил раб. – Засыпь его обратно в колбу, да смотри, чтобы ни одна крупинка не потерялась.

И мист засыпал песок обратно. За ним внимательно наблюдали и раб, и рядовые члены марзаха. Действия его были лишены всякого смысла, и, тем не менее, он не должен был выказывать пренебрежения к обряду. Больше того, он должен был проникнуться ценностью этого песка в той же мере, как и все присутствующие. Когда мист уходил, его подвергали обсуждению, и если достигали общего согласия, то приглашали на следующее испытание.

Оно могло назначаться через полгода или даже год после первого. Во время него во дворе храма выставляли ширмы. Когда в назначенный час приходил мист, из-за ширм выходили нарочито пестро, безо всякого порядка наряженные члены марзаха. Кто мог, играл на музыкальных инструментах. Хором кричали площадные песни, танцевали кто как умел. Миста всячески призывали поучаствовать в веселье. Рано или поздно его удавалось вовлечь в пляс.

В какой-то момент музыка приутихала, мисту давали понять, что нужно отойти подальше, и тут из-за ширм выходили двое точно так же несуразно одетых и разыгрывали шуточную сценку. У одного в руке была табличка, та самая, на которой Искатель по памяти начертил букву «нун» между Испанией и Островом.

– Смотри, Ганнон, – говорил первый второму, – какую табличку я нашел у себя дома!

Ганнон смотрел на нее с наигранно-глупым выражением лица и отвечал:

– Не вижу, Магон, ничего интересного!

– Ну как же, посмотри, – пытался все же Магон привлечь внимание Ганнона, – вот это не Священный ли мыс?

– Это? – переспрашивал Ганнон, грубо тыкая в табличку пальцем.

– Да.

– Да это никакой не мыс, это в точности нос твой! Нос, а не мыс!

Все присутствующие изображали взрыв хохота, музыка совсем затихала. Хохочущий со всеми Ганнон и недоумевающий Магон оба смотрели на испытуемого.

– Нет, ты все же погляди сюда! – не успокаивался Магон. – Вот здесь – не Столпы ли Мелькарта?

Ганнон заливался смехом и отвечал:

– Это, если говорить совсем уж прямо, задний проход.

– Как же это, Ганнон?

– А так вот. Смотри, вот идет кишка, вот узкое место, а вот сюда кишка испражняется. Храмовый двор снова взрывался хохотом.

– Ну хорошо, а это по-твоему что такое? И это? – спрашивал уже раздраженный Магон.

– Да хватит тебе, зануда! Нацарапал кто-то, а ты меня донимаешь. Выбрось ты эту табличку! Никчемная вещь!

Ганнон исчезал за ширмой, Магон аккуратно клал табличку на пол и удалялся вслед за ним. Ганнон выглядывал еще на мгновение и, подмигивая испытуемому, говорил:

– А табличка-то осталась лежать!

Затем музыка, песни, пляски возобновлялись. Ширмы убирались, выносили и накрывали столы, к ним приставляли ложа. И только табличка оставалась лежать там, где оставил ее Магон. Дальше начинался пир, но за испытуемым продолжали наблюдать. От него ожидали, что, несмотря на происходящее вокруг, он все же проявит интерес к табличке. Дальше он мог задать вопросы, но отвечали ему если не так же, как Ганнон Магону, то по крайней мере так, что он до конца не мог понять, дурят его или говорят серьезно.

После подобного вечера он мог приходиться к рабу сколько угодно раз и спрашивать о своих подозрениях, сомнениях, мыслях об увиденном и услышанном на испытании. Раб отвечал ему с каждым разом все более и более серьезно, и в какой-то момент объявлял о предстоящем ему следующем испытании. Его мист мог дожидаться годами и десятилетиями, потому что его каждый раб совершал один раз за время своего начальства, а начальство было пожизненным. Разумеется, дожидались этого испытания лишь те, кто всерьез и безо всякой корысти хотели узнать тайну, скрываемую марзахом Царя Нун, и влиться в его ряды. Этим последним испытанием было плавание на Остров. На средства марзаха нанимали корабль. Сначала это был простой пятидесятивесельник, позже едва хватало уже триеры. Мисты садились на гребные скамьи, а раб с немногими товарищами поочередно сменяли друг друга за кормилом.

Проведя в плавании до нескольких недель и выписав на морской глади заветную букву «нун», они прибывали на Остров. После ночи отдыха на берегу они снова садились за весла и обходили Остров кругом. Только с возвращением в Гадиры мисты становились полноценными членами марзаха. Надо сказать, что примерно за триста лет, в течение которых совершались эти плавания, корабль с мистами ни разу не попадал в бурю.

Когда же из всех финикийских городов растущей агрессивной мощью стал выделяться Карфаген, и Гадиры подпали его влиянию, рабы марзаха решили, что плавания к Острову Мелькарта слишком опасны, что тайное знание может слишком легко попасть в недобрые руки.

Марзах Царя Нун нашел, между тем, немало поклонников в самом Карфагене, и его рабы решили перебраться в Африку. Плавания к Острову больше не совершались, но память о нем свято чтит. Мист принимался в марзах в тот момент, когда добивался от раба окончательного объяснения таблички Искателя.

Возвращаясь к началу, вы можете спросить, почему же именно Искателю доверил

Мелькарт тайну Острова? Ответ прост: Искатель был одержим светлой мечтой. Так что, мечтайте, друзья! Светлая мечта имеет право быть окутана мистериальной тайной, в которую вы вольны посвятить лишь тех, кого считаете нужным. А остальным достаточно будет видеть на вашем медном медальоне извилистую финикийскую букву!

*Конек – так финикийцы называли небольшие рыбацкие кораблики с головой лошади на носу.

**Марзах – сообщество, в которое объединялись финикийцы для почитания того или иного божества. На Острове Мелькарта марзахи – религиозные общины, пришедшие из Испании.

****Ра'бам*и финикийцы называли разного рода руководителей (армии, флота, гильдии писцов, марзаха).